

Pro memoria

АЛЕКСЕЙ ГРОМЫКО

На перекрестке истории

Европа — затухающий центр силы?

Современная Европа — во власти истории. Но похоже, она одержима будущим и готова забыть о прошлом. Для многих евроэнтузиастов история Европы (то есть в их понимании — история Евросоюза) начинается практически с нуля в 1950-е годы, а то и намного позже. Немногие сейчас в ЕС помнят, что фундаментальной целью учреждения европейских сообществ, по замыслу их отцов-основателей, было установление в Европе вечного мира.

Европа — часть современной системы международных отношений. И у них тоже есть свое прошлое, настоящее и будущее. В 2010 году мы отмечали 65-летие окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн. Россия и союзники вышли из нее победителями. Победа — бесценный вклад этих стран в развитие миропорядка не только XX, но и XXI века. Сегодня немало людей считает Вторую мировую войну далеким событием, уже не связанным с настоящим. Говорят, будто ялтинско-потсдамская система международных отношений разрушена и ей на смену следует или уже пришло нечто совершенно новое.

Это сомнительная точка зрения. Несмотря на развал Советского Союза и изменение послевоенных границ, современная территориальная карта Европы — во многом наследие той войны. Многие границы, проведенные в Европе после разгрома фашизма и нацизма или появившиеся как реакция на их нарастающую угрозу, существуют до сих пор. Пример тому — Калининградская область, приращение территорий Украины, Молдавии, Белоруссии, Польши, Литвы. Неверно и другое: будто устарела послевоенная международная система. Современное международное право по-прежнему во многом основывается на международно-договорной системе, возникшей в результате Второй мировой войны. А Организация Объединенных Наций, детище победы союзников над фашизмом, до сих пор является си-

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич — заместитель директора Института Европы РАН, доктор политических наук

стемообразующим элементом международных отношений и международного права.

Современный облик мира — это тоже во многом итог Второй мировой войны. Она дала мощный импульс антиколониальной борьбе, в результате которой появились десятки новых государств. Другое последствие — навсегда, верится, была дискредитирована идеология фашизма, нацизма, расизма, колониализма, был дан мощный толчок демократическим и социальным реформам во многих странах. Тотальное поражение Германии, ужасы войны изменили сам менталитет европейцев: дважды за полвека европейская цивилизация породила мировые войны, и смысл создания европейских сообществ в 1950-е годы заключался именно в том, чтобы никогда не допустить этого вновь, установить в Европе вечный мир.

И все же, почему так важно не забывать о Второй мировой войне? Не лучше ли перевернуть эту страницу истории, не будоражить сознание молодых европейцев? Дело в том, что события тех лет и их последствия не стали «чистой» историей; они по-прежнему с нами и оказывают на нашу жизнь непосредственное влияние.

Во-первых, нельзя смириться уже с самим искажением исторической правды. Историческая наука, вопреки расхожему суждению, — не служанка политики, как политика — не синоним политиканства. Не может быть своей исторической правды у каждой страны; тогда это будет не история, а мифология. В мифологии нет ничего плохого, но только путать ее с историей не надо.

Во-вторых, уроки истории никогда не устаревают, а главным уроком Второй мировой войны стало грозное предостережение будущим поколениям, что отсутствие единства перед лицом общих угроз может привести к катастрофе глобального масштаба и стоить европейцам миллионы жизней.

В-третьих, для России, для других народов Победа была великим свершением и одним из краеугольных камней их национальной истории и самосознания. И дело здесь не в квасном патриотизме, а в том, что существуют моменты в истории, значение которых не стирается годами, десятилетиями и даже столетиями. Возможно, для проигравших эту войну естественно постепенное забвение событий тех лет — им нечем гордиться. Однако для народов Советского Союза, для поляков, чехов, югославов и многих других то была не классическая война, а борьба за выживание, борьба за право физического существования.

Вторая мировая война и ее итоги оказали громадное влияние на послевоенное развитие Европы. Но и в XXI веке Победа не превратилась в артефакт истории. Европа и мир во многом продолжают жить в системе ко-

ординат, заложенных в 1945 году. Опыт и уроки Второй мировой имеют непосредственное отношение к настоящему и будущему Европейского континента, к позициям России и других стран на общеевропейском пространстве и в мире в начале нового тысячелетия.

Бесспорно и другое: история ЕС — беспримерная история успеха. Однако в отношениях между странами Западной Европы, не говоря уж об отношениях между Западом и Востоком Европы, еще многого предстоит добиться. В связи с этим приведу один эпизод. В феврале 1970 года советский министр иностранных дел А. А. Громыко посетил резиденцию посла ФРГ по приглашению на обед. Он спросил у Эгона Бара: когда следует ожидать, что Европа заговорит одним голосом? Спросите об этом, ответил Бар, через 20 лет. Громыко засомневался: «Вы действительно так думаете?» Бар подтвердил. Когда он сообщил об этом разговоре в Бонн, Вилли Брандт отреагировал так: «Да ты пораженец!» С тех пор вместо названных Баром 20 лет прошло 40, но и сейчас никто не может назвать срок, по прошествии которого хотя бы Евросоюз, пусть не Европа в целом, заговорит одним голосом и станет одним из полноценных центров силы в мире.

Существует множество примеров связи времен, масштабов влияния великих событий на глубокие пласты будущего. Например, Южные Курилы: как можно считать Вторую мировую войну историческим артефактом, если к нашей стране предъявляются конкретные территориальные претензии, причем со стороны побежденного государства? Не лучше ли «любителям», призывающим Россию «не цепляться за прошлое», обратить внимание на Японию, которая демонстративно отзывает своего посла из Москвы «для консультаций» в ответ на посещение президентом РФ одного из регионов вверенного ему Конституцией государства?

Или проблема «декретов Бенеша». Решение о депортации немцев с территории ряда государств после поражения Германии было принято на Потсдамской конференции в июле—августе 1945 года. В дополнение к этому власти Польши, Чехословакии и Югославии издали свои законы. В Чехии они были названы в честь президента Чехословакии, занимавшего этот пост в военные и послевоенные годы. «Декреты Бенеша» до сих пор являются частью законодательства Чехии и Словакии и приводят к значительным трениям между перечисленными странами, с одной стороны, и Германией, Австрией, а также Венгрией, с другой. Особенно следует отметить остроту спора между Чехией и Австрией. В мае 1999 года австрийский парламент принял постановление с требованием к Чехии отменить «декреты Бенеша». В марте 2001 года глава МИД Австрии Ферреро-Вальднер заявила, что собирается добиваться отмены декретов до вступления Чехии в ЕС. Того же

от правительства потребовал парламент в январе 2002 года, однако после парламентских выборов в ноябре означенного года угроза блокирования приема Чехии в ЕС отступила.

Но и после этого проблемный вопрос не был окончательно снят с повестки дня в отношениях между Австрией и Чехией. В октябре 2007 года президент Чехии Клаус в обращении к нации указал, что в Австрии и Германии до сих пор раздаются призывы пересмотреть итоги Второй мировой войны, и заявил: «История должна оставаться историей». А в марте 2010-го уже президент Австрии Фишер подтвердил, что и впредь его страна будет ставить вопрос об отмене «декретов Бенеша». Более того, спор вокруг декретов не только поставил под угрозу расширение ЕС в 2004 году, но и чуть не привел к срыву ратификации Лиссабонского договора. Почему В. Клаус до конца октября 2009 года отказывался подписывать договор? Потому что он требовал, чтобы Чехия получила гарантии сохранения «декретов Бенеша», чтобы Европейская Хартия основных прав и свобод не распространялась на Чехию в полном объеме, как то было сделано по схожим или иным причинам в отношении Великобритании и Польши. И это требование было удовлетворено на саммите ЕС в октябре 2009 года.

Другой из многочисленных примеров актуальности событий минувших лет — Зимняя война между СССР и Финляндией в ноябре 1939-го — марте 1940 года. Нынешний президент Финляндии Т. Халонен считает, что война 1941—1944 годов была отдельным продолжением Зимней войны. Набирает обороты кампания за отмену приговоров суда над финскими виновниками Второй мировой войны, прошедшего параллельно Нюрнбергскому трибуналу. Все громче в Финляндии и голоса тех, кто призывает ее отказаться от статуса нейтрального государства и присоединиться к НАТО.

Стремление Европы вырваться из плена своего прошлого, постараться забыть темные страницы своей истории, в том числе убрать в архив уроки Второй мировой войны, сказываются на поведении и образе мыслей европейцев в отношении нынешнего этапа развития Евросоюза. В последние 20—30 лет был создан определенный нарратив ЕС, трактовка и мифология его истории, конструирование которого во многом оказалось искусственным и оторванным от реальности.

Еще совсем недавно, несколько лет назад, Европейский Союз пребывал в состоянии воодушевления и даже эйфории по поводу своего настоящего и будущего. Большой общественный резонанс и одобрение вызывали книги с такими громкими названиями, как «Европейская мечта» или «Почему Европа будет первенствовать в XXI веке». Мегарасширение ЕС в 2004 году придало интегрирующейся Европе невиданные ранее размах и динамику, а вместе с этим и самоуверенность. Вспоминаю, как за год до этого посе-

тил в составе российской делегации один из директоратов Еврокомиссии. Местный брюссельский чиновник с убежденностью и снисходительностью вещал, насколько благотворными для ЕС будут последствия грядущего расширения. Евросоюз предвкушал принятие Конституции. Его экономика вместе со всем миром пожинала плоды беспрецедентного по своей длительности роста. Способность лидеров Германии, Франции и ряда других европейских стран бросить вызов неоконсерватизму внешней политики Вашингтона указывала на возможность обретения ЕС собственного видения мировой политики.

В 2010 году от прежних завышенных ожиданий не осталось и следа. Конституция провалилась. Мировой экономический кризис до основ потряс социально-экономическую модель развития Евросоюза. Будущее не только его отдельных стран-членов — лидеров по бюджетным дефицитам и государственному долгу, но и еврозоны в целом туманно и вызывает опасения. С большим трудом вступил в силу Лиссабонский договор, в очередной раз высветивший проблему дефицита демократии в отношениях между европейскими народами и брюссельской бюрократией. Он, как и принятый в авральном порядке стабилизационный фонд для спасения Греции, затем Ирландии и скорее всего не только их, все же дают осторожную надежду на фоне в целом мрачных прогнозов на будущее ЕС.

Однако негативное развитие событий в последнее время имело и положительную сторону — в прошлое ушло благодушное ожидание поступательного и практически гарантированного развития Евросоюза. Его доля в мировом ВВП в следующие десятилетия продолжит свое снижение. Неминуемо нарастание проблем, связанных с демографическим декадансом Европы и миграционными реалиями. Гравитационное поле «мягкой силы» ЕС постепенно теряет былую мощь, а европейская политика в области безопасности и обороны влачит жалкое существование в условиях повсеместного снижения оборонных расходов. Западноевропейские политики гордятся способностью ЕС использовать «мягкую силу», однако ревностно оберегают монополию национальных столиц на принятие ключевых внешнеполитических решений. В результате ЕС, похожий в этом отношении на лебедя, рака и шуку, представляет собой не единство в многообразии, а какофонию голосов, мешающую ему превратиться в действительно влиятельный центр принятия глобальных решений.

Вместо прекрасноречивых лозунгов о европейском лидерстве в новом столетии все шире распространяются скептические настроения. Ведущий политический обозреватель газеты «Файненшл тайме» Филип Стефенс пишет прямо: «Я чувствую, как континент (Европа. — А. Г.) соскальзывает в

будущее второразрядной силы». Ричард Хаас, председатель американского Совета по международным отношениям, говорит, будто проект Европы как мирового центра силы идет ко дну. Барак Обама не участвует в празднованиях годовщины падения Берлинской стены, а затем не приезжает на саммит ЕС—США. Для многих амбициозность Европы превратилась в пустой звук после исхода выборов на посты председателя Европейского Совета и Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности.

Что же происходит в действительности? Куда идет Европа?

Последние годы положили конец эпохе Великого спокойствия в мировой и европейской истории последних десятилетий. Мы продолжаем жить во времена больших перемен, связанных со становлением многополярного мира нового качества и с глобальными сдвигами политэкономического характера. Государствам ЕС, России, другим европейским странам в этих экстремальных условиях необходимо, как бы трудно это ни было, не только решать сиюминутные проблемы кризисного реагирования и регулирования, но и, преодолевая низкие горизонты политических циклов, вырабатывать, а также принимать решения на перспективу глубиной в несколько десятилетий. Если Европа в целом хочет развить, закрепить и удержать свои позиции одного из центров силы в XXI веке, ей необходимо быстрыми темпами создавать панъевропейское пространство экономики, безопасности, вырабатывать совместные механизмы принятия внешнеполитических решений. Если рассуждать здраво, то ясно, что ни Евросоюз, ни Россия порознь с этими задачами не справятся.

Европа третий год живет в условиях мирового экономического кризиса. В ряде стран он налагается на кризисные явления в политической системе. Мало кто спорит, что это кризис неолиберальной модели развития. В результате повсеместно приходит осознание необходимости рыночного регулирования, возрождается интерес к понятиям справедливости, солидарности, социальной ответственности и сплоченности. Происходит это и в России, хотя партии, в основе идеологии которых — идея социальной справедливости, уже слишком слабы или пока слишком слабы, чтобы претендовать на власть.

Какова природа кризиса? Если это очередной циклический кризис, то адепты прежнего уклада мирового хозяйства и мировой политики, Вашингтонского консенсуса, постараются вернуть все на круги своя. Если кризис структурный, даже и системный, то он бесспорно внесет свою лепту в изменение прежних представлений о путях развития мира. Все более очевидным становится такой факт: происходящее с мировой экономикой — си-

стемный кризис, точнее — первый системный кризис эпохи глобализации, совпавший, и не случайно, с кризисом политической модели устройства мира, современной модели глобализации.

Хочет это признавать кто-то или нет, но на наших глазах происходит отказ от евро- и америкоцентричной модели развития мира. После очередной встречи «большой двадцатки» многие заговорили о смене Вашингтонского консенсуса Сеульским. Группа 8-ми, Группа 20-ти. И бояться этого не стоит: в результате кризиса механизмы управления миром станут и уже становятся более многосторонними и сбалансированными.

Россия к кризисным временам подошла в достаточно хорошей форме. Она — великая держава в энергетической сфере, ресурсной, ядерной, геополитической, космической, культурной. Москва и после распада Советского Союза сохранила способность к стратегическому мышлению, о чем свидетельствует инициатива о заключении Договора о европейской безопасности. Главное потенциальное следствие кризиса для России носит экономический характер: благодаря «шоковой терапии» кризиса в стране, может быть, наконец начнется экономическая модернизация. Конечно, в краткосрочном плане от него проигрывают все, но остается вопрос: что случится после того, как урон, нанесенный кризисом, будет рано или поздно преодолен?

Главное потенциальное следствие кризиса для Евросоюза носит политический характер: если кризис подтолкнет ЕС на путь осознания себя не только в качестве экономического, но и политического центра силы в мире. Если же говорить об отдельных странах Евросоюза, то здесь ситуация сложнее: какие-то страны утвердятся в жизнеспособности выбранной ими модели социально-экономического развития — как, например, государства Скандинавии или рейно-альпийской зоны; другие, в первую очередь Великобритания, вынуждены будут отказаться от ряда постулатов англосаксонской модели развития.

Для США главное потенциальное следствие кризиса двоякое: и политическое, и экономическое. Кризис подчеркнул фундаментальный тренд, обозначившийся задолго до 2008 года, — снижение влияния США и Запада в целом в пользу других регионов мира. В отличие от Евросоюза и России, США в перспективе скорее проиграют от кризиса, чем выиграют. Но разговоры о близком коллапсе США как доминирующей державы мира, о скорой смерти доллара — это безусловно забегание вперед. В перспективе такой сценарий возможен и даже вероятен, но это дело не ближайших лет и даже не двух-трех десятилетий.

Все последние годы, несмотря на явное нарастание проблем неolibеральной модели развития, в 1990-е годы, оперившись, вышедшей на

мировой уровень из национальных гнезд тэтчеризма и рейганомии, на информационном пространстве доминировали голоса рыночных ортодоксов, заверявших, что «все хорошо, а дальше будет еще лучше». Материалы большинства западных политических изданий выглядели как панегирики доктрине свободного рынка. Предупреждения, что США вечно в долг жить не смогут, что мировой финансовый сектор тяжело болен, что существующая модель глобализации небезальтернативна, вызывали усмешки.

В 2001 году стало окончательно ясно, что «конца истории» ожидать не приходится. В 2008 году оказалось, что и в экономике, перефразируя Марка Твена, тезис о бессмертии неограниченной свободы рынка явно преждевременен. А ведь уже во второй половине 1990-х годов раздавалось немало голосов и в Западной Европе, и в США, призывавших усилить регулирование международных финансов, изменить корпоративную этику, внимательнее присмотреться к опыту «экономики соучастия» (стейкхолдерства) и не относиться к «экономике акционеров» как к священной корове. Говорили об этом поначалу и «новые лейбористы» в Великобритании, и социалисты во Франции, и почтенные американские экономисты, в том числе нобелевский лауреат 2008 года по экономике Пол Крюгмен. Но все напрасно: неолибералы шли напролом, тем более что с начала столетия с ними сомкнули ряды американские неоконсерваторы, готовые ради идеи новой американской империи подкрепить финансовую и экономическую мощь США силой оружия. Идеологическая зашоренность неоконсерваторов дорого обошлась Америке. Но идеологическая зашоренность рыночных фундаменталистов обходится США да и всему миру намного дороже.

Крах рынка необеспеченной ипотеки в США был не первой упавшей фишкой домино, запустившей всю цепную реакцию, а лишь отверстием, через которое с большим хлопком, повергнувшим в ужас фондовые площадки мира, сдулся гигантский финансовый «пузырь». Деривативы, другие сверхрешжовые кредитные -инструмента были лишь симптомом оолежи, а не ее причиной. Военные расходы США последних лет стали последней каплей, после которой необеспеченные финансовые обязательства хлынули через край. В американской экономической модели финансовая сфера не просто оторвалась от реальной экономики, но, по существу, превратилась из ее надстройки в фундамент, а последний оказался шатким и ненадежным.

У нынешнего кризиса есть много интересных характеристик, включая его распространение от ядра к периферии, что не случалось со времен Великой депрессии. Любопытно и другое: западный мир вновь вползает в

эпоху стагфляции. Но если стагфляция 1970-х годов положила предел послевоенной модели развития ГМК и стала предтечей либерально-рыночного цикла в развитии мировой экономики, то на сей раз идеи государственного регулирования, скорее всего в виде социал-демократического этатизма, могут взять реванш.

Недооценивать происходящее крайне близоруко, в том числе с точки зрения «окна возможностей» для России, но переоценивать — не менее вредно. Из-за кризиса рыночная система не рухнет. Но надо понимать, что рынок в постиндустриальных странах так же далек от первоначального «дикого» рынка XIX века, как «навес» из деривативов от реальной экономики. Да, бесспорно идеи «государства — ночного сторожа», лессеферизма погибли под обломками «Лемон Бразерс», но иные рыночные модели, в первую очередь европейского социального рынка — модель так называемого «авторитарного капитализма», являются реальными альтернативами.

Не надо обольщаться по поводу того, что мировой кризис автоматически преподнесет России некие дивиденды — по ней он ударил не менее болезненно, чем по его непосредственным виновникам. Для России «окно возможностей» действительно существует, но ведь и после дефолта 1998 года говорили об этом, а в результате мы как были сырьевым экспортером, так им и остались. Так что все разговоры о России как о новом мировом финансовом центре, о рубле как о региональной валюте так и останутся самообманом, если не будет возрождена современная промышленность, тяжелая и обрабатывающая, если не будет побеждена коррупция, если судебная власть не обретет подлинной независимости.

Казалось бы, нет более подходящего момента, чем мировой экономический кризис, для выдвижения на первый план левоцентристских сил. Так произошло в США при всей специфике Демократической партии как левой альтернативы. В Европе у власти в качестве единолично правящих или в качестве членов правящих коалиций находится немало партий, как социал-демократических, так и социалистических (в Испании, Австрии, на Кипре, в Румынии, Греции, Португалии, Словении, Словакии). Не забудем и о другом: помимо Европы левые стоят у власти в большинстве государств Латинской Америки, по которой в последнее десятилетие прокатилась «левая» волна. Довольно трудно всерьез говорить о кризисе «левой» мысли в Китае. И все же безусловно в Европе проблемы у левых есть.

Посмотрим на Великобританию. В 1970-е годы британская рыночная модель развития оказалась чрезмерно зарегулированной и неэффективной. Ответом стал неоконсерватизм в обличье тэтчеризма. В 2000-е годы

гипертрофированное развитие произошло уже со свободно-рыночными началами в британской модели развития. На этот раз логично было бы ожидать эффективного ответа со стороны левых политических сил.

Однако проблема в экономических и политических циклах, в 1970-е годы в Великобритании попавших в резонанс, то есть на излете послевоенной этатистской социально-экономической модели у власти находилась левая партия, которая и была дискредитирована неудачами этой модели. В 1990-е годы очередь расплачиваться за недостатки тэтчеристской нелиберальной модели наступила для консерваторов, и к власти пришли лейбористы под лозунгом борьбы с рыночной ортодоксией.

Но придя к власти в 1997 году лейбористы не столько сломали эту модель, сколько скорректировали ее и придали второе дыхание еще на десятилетие. Конечно, они проявили себя и как левоцентристская прогрессивная сила, но не в экономической, а в социальной и конституционной сферах. Их политика была скорее социал-либеральной, чем социал-демократической в традиционном смысле. В 2000-е годы, когда зримо обнажились недостатки свободно-рыночной модели, у власти в Великобритании по-прежнему находились левые. И на этот раз уже они оказались дискредитированными неудачами модели, внедренной в стране в 1980-е годы британскими правыми.

Дело в том, что помимо социально-экономических и выборных циклов существуют идейные циклы. В настоящее время на Западе безусловно в силу вошел левоцентристский идейный цикл. Парадокс в том, что для многих левых партий воспользоваться этим пока не удалось, так как восходящая, повышающаяся фаза их выборного цикла пришлась на вторую половину 1990-х годов и сошла на нет к середине 2000-х, а следующая левая волна придет в Европу лишь через несколько лет.

У выборных циклов есть своя логика, не менее сильная, чем логика идейных приливов и отливов. Лейбористы в Великобритании проиграли парламентские выборы в мае 2010 года не только потому, что они во многом ассоциировались с причинами, приведшими к кризису. Дело в том, что они находились у власти уже более 12 лет, и избиратели от них просто устали. Не случись экономического кризиса, лейбористов все равно ждало бы поражение.

Но тогда почему же в других ведущих государствах Европы правые у власти не только удержались, но и укрепили свои позиции, например на парламентских выборах в Германии, на общеевропейских выборах в Европарламент? Свою роль сыграло все то же невезение для левых сил с точки зрения выборных циклов. Помимо этого правые правящие партии, например в Германии, Франции, для спасения своих экономик

быстро перешли к массированному использованию ими же в прошлом отвергнутых кейнсианских методов рыночного регулирования, тем самым перехватив у левых сил инициативу. Кроме того, в отличие от США и Великобритании, в большинстве европейских стран правые партии никогда не отклонялись так далеко в сторону неолиберализма: здесь не было своих Тэтчер и Рейганов. Здесь не произошло такого разрыва с эпохой послевоенного межпартийного консенсуса, как после 1979 года в Великобритании. Поэтому европейские избиратели не воспринимают политику левых и правых как альтернативную, а если так, то в трудное время и не стремятся «менять коней на переправе», придерживаясь мнения «стабильность прежде всего».

Экзистенциального кризиса левоцентристских партий в Европе как социал-демократического движения по большому счету нет, работают известные законы выборных циклов, хотя отдельные партии и могут пребывать в кризисе как конкретные политические силы. Не пребывает в кризисе и левоцентристская мысль хотя бы потому, что события последних двух лет предоставили ей благоприятнейшую возможность вновь выйти на первый план, и эту самую мысль во всю используют правые силы.

Конечно, автоматически данная ситуация не приведет к новой левой волне в Европе. Поэтому левым, левоцентристским партиям надо занимать наступательную позицию, доказывать избирателям, что именно они, а не правые являются убежденными противниками неолиберальной модели и глашатаями идей социальной справедливости, быть готовыми к «откату» в политике правых, особенно неолибералов, к тому, что правые партии, сейчас проводящие в жизнь левоцентристские идеи, после затухания кризиса постараются вернуться к «бизнесу как обычно».

Огромную роль в будущей Европе играет и будет играть фактор политического лидерства. Одним из залогов успешного развития Большой Европы являются отношения по-настоящему стратегического партнерства между Москвой, Берлином, Парижем, Римом, Варшавой и другими столицами. Германия и Франция особо проявили способность к стратегическому мышлению, в том числе в области отношений с Россией. Об этом красноречиво говорят «Северный поток» или планы по сотрудничеству в военной сфере. В Евросоюзе по-прежнему определяющее значение имеет тандем Франция—Германия. Это сердцевина ЕС, что остается непреложным фактом и в условиях членства в нем 27 государств. Но в сфере политического лидерства существуют серьезные проблемы и вызовы. Рейтинги популярности Ангелы Меркель и Николя Саркози как никогда низки. Уже не раз возникало ощущение, что Париж и Берлин больше озабочены решением внутренних проблем, чем лидерством в Евросоюзе.

Однако у ЕС, похоже, шансы на то, что он справится с наиболее опасными текущими вызовами, есть. Принят Лиссабонский договор. Появилась надежда на нормализацию ситуации в еврозоне после одобрения стабилизационного фонда в 750 миллиардов евро. Решимость европейских политиков взять ситуацию на финансовых рынках под свой контроль демонстрируется введенными Европарламентом мерами по ограничению объема выплат премиальных в банковском секторе, введением налога на финансовые операции.

В то же время не существует гарантии вечного успеха проекта евроинтеграции. В Евросоюзе — несколько центров управления, часто конфликтующих. В нем сильны противоречия, связанные с неравномерностью политического, социально-экономического развития государств-участников. Об этом красноречиво свидетельствуют такие ныне модные аббревиатуры, как PIGS. Количественные параметры расширения ЕС вширь в последнее десятилетие взяли вверх над качественными параметрами расширения вглубь. Евросоюз часто претендует на много большее, чем он может себе позволить, особенно в свете низкой эффективности (или их отсутствия) механизмов принятия решений в сферах внешней политики, безопасности, фискальной, бюджетной политики.

Каковы сильные и слабые стороны Евросоюза перед лицом вызовов XXI века? В череде первых безусловно достижения политики «мягкой силы», с помощью которой он превратился, возможно, в самую успешную региональную организацию на планете. Несмотря на все сложности, встречающиеся ЕС на пути, перед входной дверью с надписью «Европейский Союз» до сих пор «толпятся» желающие попасть внутрь. ЕС (по крайней мере его страны-сторожилы) может по праву гордиться успехами модели социального рынка, превратившей эту часть Европы в одно из самых благополучных пространств для проживания на Земле.

Принцип социальной сплоченности прогрессивен и перспективен. Уникальное изобретение — «пул суверенитетов», который позволяет ЕС одной ногой стоять в постмодернистском мире. В копилке Евросоюза — выработка своего нарратива, развитие усилиями западноевропейских мыслителей новой системы ценностей, включающей помимо «мягкой силы», социального рынка и «пула суверенитетов» принципы многосторонности и устойчивого развития. Способность ЕС к сопротивлению внешним и внутренним разрушительным факторам во многом зиждется на принципе солидарности, который все чаще перестает быть декларацией и претворяется в жизнь.

У Евросоюза есть немало козырей, но его слабые стороны не менее существенны. Ему в целом, в отличие от ряда стран-членов, очевидно, не

достаёт стратегического мышления, несмотря на все амбиции по планам дальнейшего расширения. Тем более ЕС не способен, да пока и не стремится, в ближайшем будущем претендовать на роль политико-военного игрока. Большой проблемой, масштабы которой резко выросли за последнее десятилетие, является разношерстность социально-экономических моделей государств-участников, а главное — неравномерность их развития. Бомба замедленного действия — снижение в Европе рождаемости и прогрессирующее старение населения вкупе с нарастающей иммиграцией из-за пределов ЕС. Терроризм превратился из внешней во внутреннюю угрозу для его безопасности. На грани коллапса — интеграционные модели европейских государств под натиском нового «переселения народов».

Ни мультикультурные эксперименты по-британски или по-немецки, ни ассимиляционные по-французски так и не решили проблемы полноценного вовлечения мигрантов и беженцев в жизнь коренных сообществ. Евро-союз переоценил свои возможности в процессе расширения, что привело к перенапряжению сил, как экономических, так и политических, восстановление которых займет не один год и даже десятилетие. Значительным тормозом остается проблема национальных эгоизмов как неизбежное следствие дуалистической супранациональной — национально-государственной природы ЕС.

Последнее противоречие — одновременно и внутренняя пружина Евросоюза. ЕС — это идентичность и национальная, и общесоюзная, между ними — хрупкий баланс. Да, «пул суверенитетов» означает и пул идентичностей, однако национальные государства, включая участников ЕС, до сих пор и на обозримую перспективу остаются главным действующим лицом международных отношений и главным субъектом во взаимодействии между гражданином и окружающим миром. С точки зрения нарратива Евросоюза общеевропейская идентичность обязательна; с точки зрения национально-государства передача его национальной идентичности «наверх», то есть ее растворение, должно быть строго дозировано. Суверенитет государства является заливочной формой его национальной идентичности. Встает вопрос: если ЕС не имеет и не собирается приобретать полноценного суверенитета, то может ли он иметь полноценную идентичность?

Европейский интеграционный проект питается местными идентичностями и суверенитетами. Именно они, национальное почвенничество придают ему устойчивость «снизу», как корни держат дерево, но также и формируют его «крону», верхушечную часть проекта — «пул суверенитетов», который и делает ЕС столь уникальной одновременно и международной, и наднациональной организацией. Без национальных идентичностей не могла бы появиться и общесоюзная. Однако они же являются не только его

АЛЕКСЕЙ ГРОМЫКО

благословением, но и проклятием. Они могут играть как созидательную, так и разрушительную роль в процессе развития ЕС.

Пока первичный суверенитет зиждется на фундаменте национального государства, общеевропейская идентичность будет неизменно оставаться вторичной для подавляющего большинства жителей этой части Европы, быть срединной, промежуточной, слабо конкурирующей с национальной. Займет ли когда-либо общеевропейская идентичность более прочное положение, зависит от дальнейших путей трансформации и метаморфозы национальных государств.

Думается, национальные флаги и гимны, а не иные символы и атрибуты власти, еще долгое время будут сильнее всего заставлять биться сердца жителей Старого Света.

Ш